

Т. Е. Белоруссова

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ ПЕЛОПОННЕСА ПОСЛЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ 1262 г.

Статья посвящена проблеме греко-латинского фронта на Пелопоннесе во второй половине XIII в. В 1262 г. Византия вернула под свой контроль часть полуострова, что нарушило сложившийся за полвека уклад и изменило расстановку сил в регионе. Автор анализирует трансформации фронтального общества Пелопоннеса в условиях возвращения в регион византийской администрации и особенности интеграционных процессов и социокультурного межэтнического взаимодействия в изменившихся политических реалиях. Источниками для исследования послужили сведения Морейской хроники, латинский и византийский актовый материал. Было выявлено, что в первые годы «византийской реконкисты» борьба между византийцами и франками за территории сопровождалась их соперничеством за политическую лояльность рядового местного населения. Стратегия византийцев, состоявшая в поощрении переселения греков с франкских областей в районы Мистры, принесла определенные плоды, однако миграции не приобрели массового характера и полного обособления греческого населения от латинского не произошло. В условиях интенсивного социокультурного обмена политическая лояльность смешанного населения полуострова обуславливалась либо личными мотивами, либо желанием получить защиту, что было особенно актуально в период военных действий. Несмотря на частые военные конфликты, смешанное греко-латинское общество продолжало существовать и развиваться, а людям, жившим в менявшихся политических и культурных реалиях, зачастую приходилось лавировать между франками и византийцами. Делается вывод, что византийская реставрация на Пелопоннесе не прервала интеграционные процессы, и фронтальное общество сохранило свой особый и сложный уклад, сформировавшийся на границе латинской и византийской цивилизаций.

Ключевые слова: Пелопоннес; Византия; Ахейское княжество; Морейский деспотат; фронт; кросс-культурное взаимодействие; интеграционные процессы

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-39-90019 «Греко-латинский фронт на Пелопоннесе (середина XIII – XIV вв.): политическое и социокультурное взаимодействие».

Цитирование: *Белоруссова Т. Е.* Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса после византийской реставрации 1262 г. // *Античная древность и средние века.* 2021. Т. 49. С. 240–253. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.016>

Поступила в редакцию 08.08.2021

Принята к печати 11.10.2021

Tatiana E. Belorussova

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

INTEGRATION PROCESSES IN THE POLYETHNIC SOCIETY OF THE PELOPONNESOS AFTER THE BYZANTINE RESTORATION OF 1262

This paper addresses the problem of the Greek-Latin frontier in the Peloponnesos in the second half of the thirteenth century. In 1262, Byzantium regained control over a part of the peninsula. This action disrupted the order that developed there during fifty years and changed the power balance in the region. The author has analysed the transformation of the frontier society of the Peloponnesos when Byzantine administration returned to the country and the peculiarities of integration processes and socio-cultural interethnic interaction under the changed political realities. The sources for the research were the *Chronicle of Morea* and Latin and Byzantine legislative sources. It has been revealed that in the early years of the “Byzantine reconquest,” the struggle between the Byzantines and the Franks for the territories was accompanied by their rivalry for the political loyalty of the local population. Although the Byzantine strategy of encouraging the Greek resettlement from the Frankish regions to the regions of Mistra had some impact, these migrations did not become widespread; neither did complete isolation of the Greek population from the Latin occur. In the conditions of intensive socio-cultural exchange, the political loyalty of the mixed population of the peninsula was determined either by personal motives or by the wish to have protection, which was especially important in time of military operations. Despite frequent military conflicts, the mixed Greco-Latin society continued to exist and develop, and the persons living in changing political and cultural realities often had to manoeuvre between the Franks and the Byzantines. The conclusion is that the Byzantine restoration in the Peloponnesos did not interrupt the integration processes, and the frontier society kept its special and complex way of life that shaped on the border of the Latin and Byzantine civilizations.

Keywords: Peloponnesos; Byzantium; Principality of Achaia; Despotate of the Morea; frontier; cross-cultural interaction; integration processes

Acknowledgements

This paper is funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-39-90019 *Greek-Latin Frontier on the Peloponnese in the Second Half of the Thirteenth – Fourteenth Centuries: Political and Sociocultural Interactions.*

For citation: Belorussova, T. E. (2021). Integratsionnye protsessy v polietnichnom obshchestve Peloponnesa posle vizantiiskoi restavratsii 1262 g. [Integration Processes in the Polyethnic Society of the Peloponnesos after the Byzantine Restoration of 1262]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 240–253. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.016>

Submitted: 08.08.2021

Accepted: 11.10.2021

Изучение фронта и фронтальных обществ (*frontier society*) в последние десятилетия XX в. приобрело популярность в медиевистике¹. Фронт — это не только географическое пространство вокруг территориальных границ, но и контактная зона, в которой происходит встреча цивилизаций, соприкасаются различные религиозные, культурные и языковые традиции, складываются сообщества с особым жизненным укладом². Позднесредневековый Пелопоннес представлял собой яркий пример подобного цивилизационного пограничья. Захват участниками IV крестового похода части византийских владений привел к сосуществованию на полуострове носителей разных культурных, правовых и религиозных традиций. Большая часть греческого населения образовавшегося Ахейского княжества приняла латинян в качестве новой политической элиты³, но не утратила свою идентичность. Взаимоотношения франков и греков базировались на соглашениях крестоносцев с местным населением: за теми, кто признал власть франков, сохранялись их права на имущество и возможность придерживаться православной веры⁴. В отличие от латинского королевства Кипр, где местное население изначально было вытеснено из многих сфер деятельности⁵, греки Пелопоннеса сохранили позиции в местной администрации и торговле, а со временем некоторые греческие архонты и вовсе вошли в число немногочисленной ахейской знати⁶.

Сложившуюся с начала XIII в. политическую ситуацию резко изменило поражение воинов Ахейского княжества при Пелагонии

¹ См.: Berend N. Medievalists and the Notion of the Frontier // *The Medieval History Journal*. 1999. Vol. 2. P. 55–72.

² Ibid. P. 68.

³ Lock P. *The Franks in the Aegean, 1204–1500*. London ; New York, 1995. P. 290.

⁴ Angold M. *Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile* // *Mediterranean Historical Review*. 1989. Vol. 4, Iss. 1. P. 80.

⁵ Близнюк С. В. Греко-латинское взаимодействие на Кипре в XIII–XV в. // *Византия: Кумуляция и трансляция культур* : тез. докл. IX научных Сюзюмовских чтений (24–27 августа 1997 г.). Екатеринбург, 1997. С. 9.

⁶ Jacoby D. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesos after the Fourth Crusade* // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, No 4. P. 891–892.

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса

в 1259 г.⁷ Спустя три года, которые ахейский князь Гийом II Виллардуэн (1246–1278) и его сподвижники провели в византийском плену, был заключен договор, по которому в обмен на освобождение франкский лидер передал императору Михаилу VIII Палеологу (1261–1282) свои крепости в южной части полуострова, включая Мистру, Монемвасию и Великую Майну⁸. Утрата франками территорий привела к восстановлению византийского присутствия в регионе, что подвергало опасности целостность княжества и грозило постоянными военными столкновениями с византийцами⁹. Полученные ромеями крепости, в особенности Мистра, стали плацдармом для осуществления «византийской реконкисты» на Пелопоннесе, принявшей характер перманентной приграничной борьбы. Но, несмотря на острые конфликты, мирное взаимодействие и повседневные контакты греков с латинянами не прерывались.

Вопросы функционирования фронтирных обществ Латинской Романии, особенности коммуникаций и примеры мирного сосуществования латинского и византийского населения неоднократно оказывались в поле зрения исследователей¹⁰. Наиболее пристальное внимание историков традиционно привлекала ситуация на Пелопоннесе, где в течение XIII в. сформировалось особое полиэтничное общество мореотов, объединившее в себе ромейские и франкские элементы¹¹. Однако вопрос о характере трансформации, которую испытало население цивилизационного пограничья в первые десятилетия после восстановления византийской власти, остается в историографии открытым. Как повлияла византийская реставрация на интеграционные процессы на Пелопоннесе? Что после 1262 г. определяло политическую лояльность населения? Какие социокультурные процессы происходили на полуострове? Ответы на эти вопросы позволяют показать реалии, в которых существовало смешанное общество Пелопоннеса во второй половине XIII в.

⁷ *Geanakoplos D. J.* Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: the Battle of Pelagonia // *DOP*. 1953. Vol. 7. P. 134.

⁸ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453. München ; Berlin, 1932. T. 3. № 1895.

⁹ *Bon A.* La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430). Paris, 1969. P. 125.

¹⁰ См.: *Lock P.* The Franks in the Aegean...; *Topping P.* Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea and Venetian Crete // XVe Congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athens, 1976. Vol. 1. P. 3–23. *Карнов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000.

¹¹ См.: *Ilieva A.* Frankish Morea 1205–1262. Socio-Cultural Interaction Between the Franks and Local Population. Athens, 1991; *Page G.* Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans. Cambridge, 2008; *Dourou-Eliopoulou M.* The image of the “Greek” and the Reality of Greco-Latin Interaction in Romania, according to 13th and 14th-century Latin Sources // *Byzantium and the West. Perception and Reality (11th–15th c.)* / ed. N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermitzaki, A. Papageorgiou. London ; New York, 2020. P. 220–229.

Источники сообщают, что атмосфера, царившая на Пелопоннесе в первые десятилетия после восстановления на части территории византийской власти, была напряженной. Крайне тревожным для византийской Лаконии – области, где сталкивались греческие и латинские интересы, – стал период 1262–1264 гг. Эта часть полуострова неоднократно страдала от разорений и опустошений вследствие частых стычек франков с византийцами¹². Греческий текст Морейской хроники содержит несколько пространных пассажей об ожесточенных военных столкновениях, случившихся вскоре после возвращения князя из византийского плена, а византийские акты свидетельствуют о пристальном внимании императора в этот период к ситуации на полуострове¹³. Нужно отметить, что новообретенные византийцами земли на Пелопоннесе вовсе не являлись единым целым, представляя собой скорее анклав внутри франкских владений¹⁴. В силу этого византийской администрации жизненно важно было заручиться поддержкой местного населения. Потому одновременно с борьбой за территории развернулась борьба иного характера: за политическую лояльность рядового греческого и славянского населения.

Как сообщает анонимный хронист, византийский военачальник Макрин (Μακρινός / Μακρινός)¹⁵, прибывший с воинами из Константинополя в 1262 г., первым делом взял курс на сотрудничество с населением горных районов Пелопоннеса¹⁶. Еще весной 1262 г. был издан хрисовул императора Михаила VIII Палеолога (1261–1282), даровавший племенам милингов и цаконцев¹⁷ право ношения оружия, а также освобождавший их «от повиновения любому господину, кроме их

¹² *Armstrong P.* The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods // *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey* / ed. W. Cavanagh, J. Crouwel, R. W. V. Catling, G. Shipley. London, 2002. Vol. 1. P. 368; *Bon A.* La Morée franque... P. 133.

¹³ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden... T. 3. № 1907, 1908, 1934.

¹⁴ *Longnon J.* La renaissance de l'hellénisme dans le despotat de Morée // *Journal des Savants*. 1954. Vol. 3. P. 112.

¹⁵ *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* / erst. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. Wien, 1976–1995. Fasc. 1–12. № 16358 (далее – PLP).

¹⁶ *The Chronicle of Morea (Τὸ Χρονικὸν τοῦ Μορέως): A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century* / ed. J. Schmitt. London, 1904. P. 302–304. 4573–4599.

¹⁷ Милингами (Μηλίγγοι) именовались славянские племена, с VII в. населявшие горные районы Пелопоннеса. Происхождение цаконцев (Τζάκωνες) является дискуссионным в историографии: они были либо автохтонным населением, либо эллинизированным славянским племенем, либо же собирательным наименованием горцев Пелопоннеса. См.: *Glykatzis-Ahrweiler H.* Une mention méconnue des mélingues du Taygète // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1962. Vol. 86, № 1. P. 1–10; *Сюзюмов М. Я.* Рец. на кн.: Х. П. Συμεωνίδης. Οι Τζάκωνες και ἡ Τζακωνία. Θεσσαλονίκη, 1972, 188 σελ. // *ВВ*. 1974. Т. 36. С. 210–212.

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса собственных вождей и императора»¹⁸. Благодаря таким действиям ромеи смогли заручиться лояльностью этих племен, которые восстали против франков Ахейского княжества¹⁹. Византийская политика налаживания диалога с горцами Мореи оказалась, таким образом, весьма продуктивной: под контроль византийцев попали территории Цаконии, Гелоса, Тайгета и Мани, т. е. почти все южное побережье Пелопоннеса с прилегающими горными районами²⁰. Ахейский князь в ответ на предательство горцев приказал своим вассалам разграбить вышедшие из-под его контроля земли Цаконии²¹, что, несомненно, только обострило конфликт и по всей видимости негативно сказалось на репутации князя и ахейского нобилитета в среде рядового населения Лаконии.

Ожесточенные военные столкновения повлекли за собой миграции рядовых жителей Пелопоннеса из зон греко-латинских конфликтов. Особо остро эту проблему ощутили близкие к Мистре лаконские территории, чье население, судя по данным источников, в 1260-е гг. регулярно подвергалось опасности. Согласно греческой и французской версии Морейской хроники, князь и его соратники, прибыв в Лакедемон (Спарту) для отдыха и подготовки к очередной войне с ромеями, обнаружили его в состоянии запустения, вызванного уходом значительной части греческого населения в хорошо укрепленную и оттого более безопасную Мистру²². Французский текст хроники указывает также и на роль византийцев в миграции жителей этого города, называемого в этой версии на франкский манер Кремонией (Cremonie): «большая часть греков, проживавших в городе (Лакедемоне / Кремонии. — Т. Б.), снялись с места и ушли в Мистру, куда их отправили люди императора»²³. Переселение на подконтрольные византийцам территории означало признание мигрировавшими греками власти императора на Пелопоннесе. Остается открытым вопрос, чем была мотивирована эта миграция. Учитывая местоположение Мистры и недавнее укрепление ее оборонительной системы, можно предположить, что переселение сюда греческого населения из зон конфликта могло быть вызвано естественным стремлением людей обезопасить

¹⁸ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden... T. 3. № 1907.

¹⁹ The Chronicle of Morea... P. 308. 4660–4665; Chronique de Morée (1204–1305): livre de la conquête de la princée de l'Amorée / publ. par J. Longnon. Paris, 1911. P. 124–125. 332–333.

²⁰ Kalligas H. Byzantine Monemvasia. The Sources / introd. S. Runciman. Monemvasia, 1990. P. 97.

²¹ The Chronicle of Morea... P. 320. 4875–4879.

²² Ibid. P. 363. 5590–5598; Chronique de Morée... P. 150. 387.

²³ Chronique de Morée... P. 150. 387.

свою жизнь и имущество²⁴. В то же время переход рядового населения под покровительство византийцев в поисках лучших жизненных условий мог быть связан и с их недовольством франкской администрацией. Эту возможную мотивацию населения нельзя исключать, поскольку непримиримость с иноземными захватчиками была характерной для обособленных юго-восточных районов полуострова²⁵, к которым как раз относились территории вокруг Мистры.

Более поздняя арагонская версия Морейской хроники несколько иначе интерпретирует события этих лет. Мы не можем в точности определить, на какие источники опирался составитель данной версии, но сообщаемые им сведения в некоторых деталях отличаются от информации, содержащейся в греческом и французском варианте хроники, и показывают иную линию поведения греческого населения в первые десятилетия византийской реставрации. Ее текст подтверждает, что византийские военачальники намеревались призвать на свою сторону греков, живших на франкских территориях. При помощи писем императора, склонявших греческое население Каритены к измене, греческим военачальником была предпринята попытка хитростью настроить сеньора Каритены Жоффруа де Бриэля против его греческих вассалов. Эти письма были намеренно подброшены в его покои²⁶. Однако, согласно этой версии, план византийцев обманом склонить греков к предательству сюзерена провалился, те сохранили верность франкскому владельцу и сражались вместе с ним против ромеев²⁷. Одержав победу над греками Мистры, «владыка Каритены возрадовался и устроил большой пир для греков, одарил их прекрасными земельными и иными дарами, а самых благородных из них он возвел в рыцари»²⁸. Этот фрагмент является примером сотрудничества франков и греков в Морее XIII в. Взаимоотношения латинского нобилитета и местной греческой аристократии, таким образом, уже достигли определенного уровня симбиоза.

Не исключено, что к тому времени некоторые высокородные греки Каритены уже были включены во франкскую феодальную иерархию и желали сохранить свои земли и свой статус²⁹. Эти сведения могут говорить в пользу того, что ко второй половине XIII в. процесс интеграции греков в правящие структуры франков принес определенные

²⁴ *Armstrong P.* The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods... P. 341.

²⁵ *Ilieva A.* Frankish Morea... P. 175.

²⁶ *Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles / publ. et trad. par A. Morel-Fatio. Genève, 1885. P. 70. 314.*

²⁷ *Ibid.* P. 70–74. 312–334; *Bon A.* La Morée franque... P. 129–130.

²⁸ *Libro de los fechos...* P. 74. 331.

²⁹ *Jacoby D.* The Encounter of Two Societies... P. 893.

результаты и основа для межэтнического сотрудничества уже была заложена. За полувековой период сосуществования ромеев и латинян на Пелопоннесе между частью греков и франкской администрацией установились взаимовыгодные деловые отношения. Часть местных архонтов, выступавших связующим звеном между баронами и рядовым населением, возводились в рыцарское звание в статусе вассалов простого оммажа³⁰. Как в случае с владыкой Каритены и его греческими вассалами, греческие подданные князя и его баронов постепенно включались в феодальную элиту княжества. Закономерно, что после восстановления византийского контроля над частью полуострова значительное число греков предпочли остаться верными латинским сеньорам, с которыми их к этому времени связывали крепкие личные интересы³¹.

Византийская сторона, проводя политику обособления греческого населения от франков, апеллировала к общеромейской идентичности пелопоннесских греков, стремясь привлечь на свою сторону как можно больше политически лояльного им населения. Данные греческой версии Морейской хроники действительно подтверждают, что часть мирных жителей с готовностью предпочли выбрать сторону византийцев. Помимо переселения греков из Лакедемона в Мистру, хронист упоминает некоего местного жителя, вероятно, из числа греков, который после поражения ромеев у Приницы (1263) сопровождал великого доместика Константина Палеолога и помог ему незамеченным вернуться в Мистру³². Этот случай показывает, что местное население, жившее уже десятилетиями при латинской власти, сохранило ромейское самосознание и при случае было готово оказать помощь своим соотечественникам. В первое десятилетие после восстановления византийского присутствия на полуострове между ромеями и франками развернулась серьезная борьба за политическую лояльность местного населения, в которой применялись как дипломатические, так и силовые методы. Византийцам удалось склонить на свою сторону греков с приграничных территорий, однако данных источников недостаточно, чтобы определить хотя бы приблизительный процент мигрировавшего населения. Учитывая, что политика привлечения переселенцев с латинских территорий в Мистру и ее окрестности³³ зафиксирована в источниках XIV в., можно сделать вывод, что миграции греческого населения из Ахейского княжества в XIII в. не носили массового характера.

³⁰ Вассалы простого оммажа занимали низшую ступень в феодальной иерархии княжества. См.: *Карпов С. П.* Латинская Романия. С. 19.

³¹ *Lock P.* The Franks in the Aegean... P. 286.

³² *The Chronicle of Morea*... P. 318. 4834–4836.

³³ *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden... 1960. T. 4. № 2438, 2633.

Византийцы постепенно осознали, что в прямом столкновении их отряды малоэффективны против рыцарского войска Ахейского княжества. После поражений в столкновениях 1260-х гг. по приказу императора ромеи отказались от ведения открытых военных действий против тяжело вооруженных латинян в пользу менее радикальных способов расширения своего влияния за пределами Мистры³⁴. Прекращение же активных военных действий на полуострове должно было облегчить передвижения мирного населения и способствовать развитию уже сложившихся греко-латинских коммуникаций. Источники, отражающие события второй половины XIII в., показывают, что обособление местного населения от латинян по этническому признаку с возвращением византийцев на Пелопоннес не усилилось³⁵. Напротив, в данных Морейской хроники содержатся весьма многочисленные свидетельства интеграции греков и франков в общества своих соседей. Чтобы приблизиться к пониманию социокультурных процессов после 1262 г. детально рассмотрим имеющиеся сведения.

С начала XIII в. до рассматриваемых событий в среде латинского нобилитета Ахейского княжества произошли значительные изменения. Франки уже говорили по-гречески и были в достаточной мере интегрированы в культурную среду завоеванного населения³⁶. Помимо культурной и языковой преемственности в пелопоннесском обществе второй половины XIII в. также наблюдался континуитет в области политических институтов. В частности, должность протовестиария (πρωτοβεστιάριος)³⁷, имевшую греческое происхождение и сохраненную франками после образования Ахейского княжества, нередко занимали именно греки. В источниках упоминаются некоторые имена греческих протовестиариев: в XIII в. это были Колинет (Κολλινέτος / *Kollinetos*)³⁸ и Кир Василипул³⁹, а в XIV в. – Стефан Каттрулл⁴⁰ и сменивший его Иоанн Мурмури⁴¹. Сохранение греческой по происхождению должности протовестиария, которая по функциям соответствовала должности камерария во Франции, говорит в пользу

³⁴ The Chronicle of Morea... P. 432. 6660–6674.

³⁵ Page G. Being Byzantine... P. 177.

³⁶ Dourou-Eliopoulou M. The image of the “Greek”... P. 226.

³⁷ Должность протовестиария предполагала контроль над доходами от феодальных владений. См.: Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle / ed. par J. Longnon, P. Topping. Paris, 1969. P. 21.

³⁸ The Chronicle of Morea... P. 498. 7680–7681; Chronique de Morée... P. 208. 526.

³⁹ Chronique de Morée... P. 328. 829; Bon A. La Morée franque... P. 83.

⁴⁰ Documents sur le régime des terres... P. 21. 11.

⁴¹ Ibid. P. 33. 8.

взаимовлияния на Пелопоннесе двух административных систем и постепенной аккультурации завоевателей. Известны случаи занятия греками и иных должностей в Ахейском княжестве. Так, грек по имени Филокал (Φιλόκαλος / *Philocalos*) занимал должность кастеляна в замке Аракловон и во время попытки захвата замка греками действовал в интересах франков⁴². Присутствие греков во франкской администрации подтверждает, что одним из путей греко-латинской интеграции было проникновение этнических греков в управленческие структуры Ахейского княжества. Эти сведения из хроники также позволяют заключить, что с византийской реставрацией на Пелопоннесе интеграционные процессы не остановились. Несмотря на частые военные конфликты, смешанное общество, проживающее в регионе цивилизационного фронта, продолжало существовать и развиваться в условиях активного социокультурного обмена, а людям, жившим в менявшихся политических и культурных реалиях, зачастую приходилось лавировать между франками и византийцами, соглашаясь с их собственными интересами.

В греческой версии хроники при описании военных действий 1260-х гг. упоминается некий знатный франк, прибывший в Мистру к великому доместику Константину Палеологу из византийской столицы. Этот франк давал советы Константину, как вести войну против князя⁴³, что косвенно может указывать на его весьма высокий статус. Следовательно, укорененность на Пелопоннесе франков, чьи интересы оказались прочно связаны с регионом, а также перспектива карьерного роста вполне могли изменить их политическую лояльность и обеспечить переход некоторых из них на службу к византийцам.

Во французском тексте хроники зафиксирован противоположный пример: знатный грек из Мореи Георгий Сгуромайи (*Quir George Sguromailly*), гасмул по происхождению⁴⁴, вызвался действовать против императора в интересах латинян. После того как в 1293 г. франкская крепость Каламата была захвачена славянами «во имя императора»⁴⁵, в Константинополь отправились послы князя Флориса де Эно (1289–1297). Для решения судьбы этой важной приграничной крепости им предстояло добиться аудиенции Андроника II (1282–1328), который не желал упускать удачное территориальное приобретение на Пелопоннесе. Сгуромайи же, лично заинтересованный в сохранении за франками этой территории⁴⁶, помог им попасть на аудиенцию и заручиться согла-

⁴² The Chronicle of Morea... P. 540. 8330–8335; Chronique de Morée... P. 224. 564.

⁴³ The Chronicle of Morea... P. 322. 4895–4897.

⁴⁴ Гасмулами (γασμούλλος) именовались дети смешанных греко-латинских браков. См.: Lock P. The Franks in the Aegean... P. 293–294.

⁴⁵ Chronique de Morée... P. 277. 696. См.: Page G. Being Byzantine... P. 227–228.

⁴⁶ Chronique de Morée... P. 287–288. 722.

сией императора на сдачу Каламаты, и даже подсказал, как им занять ее раньше, чем этот приказ императора был отменен. Вскоре раскрытый Сгуромайи вынужден был оставить Мистру, где ему угрожала опасность преследования со стороны византийских властей⁴⁷. История Георгия Сгуромайи может свидетельствовать не только о том, что в Мистре проживали пролатински настроенные греки, но и о том, что местное население было обеспокоено присутствием императорских кефалов и их связью со столицей. Учитывая высокую степень региональной обособленности⁴⁸, Сгуромайи мог действовать не столько в пользу латинян, сколько ради поддержания баланса сил византийцев и франков. Цитата из хроники «если бы вас (франков. – Т. Б.) не было, он (император. – Т. Б.) обращался бы с нами значительно хуже»⁴⁹ подводит нас к пониманию природы отношений местных и константинопольских греков. Пока на Пелопоннесе существовал противовес в виде франкского княжества, византийская администрация, по-видимому, была вынуждена считаться с местными жителями и уважать их привычный образ жизни.

Политическая лояльность морейского населения франкам или византийцам к концу XIII в. могла зависеть и от сугубо личных причин. Согласно французской хронике, на ярмарке (*Panejourns*) в Скорте, посещаемой и греками, и франками, произошел конфликт между Жераром де Реми и греком Коркондилем (*Corcondille*)⁵⁰. Последний, выйдя из спора пострадавшим, спланировал возмездие латинянину за свою обиду. Он договорился со своим родственником, занимавшим должность во франкском замке Св. Георгия и водившим дружбу с сержантом охраны Бонифацием (очевидно, франком), чтобы тот помог византийцам захватить этот ключевой пункт на границе между франкскими и греческими землями⁵¹. В результате как минимум одно должностное лицо латинского происхождения было вовлечено в эту диверсию. Ромеи охотно приняли помощь заговорщиков и тайно направили отряды к замку Св. Георгия. Его захват означал конец семилетнего мира между византийцами и франками (1289–1296)⁵². Из приведенного эпизода следует, что восстановление византийского присутствия создало альтернативу франкскому правлению и возродило ромейскую гордость у греков, которая выражалась и подобным образом⁵³. Население Морей

⁴⁷ Chronique de Morée... P. 296. 745–746.

⁴⁸ Page G. Being Byzantine... P. 242.

⁴⁹ Chronique de Morée... P. 287. 722.

⁵⁰ Ibid. P. 319–320. 802–804.

⁵¹ Ibid. P. 320–323. 805–813.

⁵² Page G. Being Byzantine... P. 228.

⁵³ Lock P. The Franks in the Aegean... P. 297.

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса

в своей политической лояльности, можно сказать, демонстрировало определенную гибкость. Родственные и дружеские взаимоотношения между рядовым населением в рассмотренной ситуации значили больше, чем их верность франкскому князю или византийскому кефалу, а план по захвату франкской крепости был следствием бытового конфликта франка и грека, а не политической стратегии византийской администрации. Устоявшиеся греко-латинские связи, таким образом, имели большое значение в смешанном обществе Пелопоннеса.

С восстановлением византийской власти территория Пелопоннеса второй раз за XIII в. оказалась в новых геополитических условиях. Несмотря на это, рассмотренные выше случаи позволяют утверждать, что интеграционные процессы после 1262 г. не замедлились или прекратились вовсе, а продолжили развиваться и усложняться. Межэтническое взаимодействие в этом регионе имело много противоречий, но в то же время демонстрировало высокую интенсивность. По всей видимости, эти контакты населения не прерывались даже в условиях перманентной борьбы ромеев и франков в 1260-е гг., а в последующие десятилетия лишь сильнее активизировались. Социокультурная и административная преемственность, сложившиеся традиции тесного сотрудничества и диалога между завоевателями и завоеванными оказали сильное влияние на внутреннюю жизнь этого смешанного общества. В результате византийская реставрация на Пелопоннесе отнюдь не остановила социокультурного обмена, и продвигаемая поначалу византийцами политика обособления греческого населения не получила широкого распространения. На фоне резких политических изменений фронтирное общество Пелопоннеса, таким образом, сохранило свой особый и сложный уклад, сформировавшийся на границе латинской и византийской цивилизаций.

REFERENCES

- Angold, M. (1989). Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile. *Mediterranean Historical Review*, 4(1), 63–86.
- Armstrong, P. (2002). The Survey Area in the Byzantine and Ottoman Periods. In W. G. Cavanagh, J. Crouwel, R. W. V. Catling, & G. Shipley (Eds.), *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey* (Vol. 1, pp. 339–402). London: British School at Athens.
- Berend, N. (1999). Medievalists and the Notion of the Frontier. *The Medieval History Journal*, 2, 55–72.
- Blizniuk, S. V. (1997). Greko-latinskoe vzaimodeistvie na Kipre v XIII–XV v. [Greek-Latin Interaction in Cyprus in the Thirteenth–Fifteenth Centuries]. In *Vizantiia: kumulatsiia i translatiia kul'tur: tezisy dokladov IX nauchnykh Siusiumovskikh chtenii (24–27 avgusta 1997 g.)* [Byzantium: Cumulation and Translation of Cultures: Abstracts of IX Scientific Readings in Memory of M. Ya. Syuzumov (August 24–27, 1997)] (pp. 8–9). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Bon, A. (1969). *La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris: E. de Boccard.

Dölger, F. (1932). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453. T. 3: Regesten von 1204–1282*. München; Berlin: Verlag C. H. Beck.

Dölger, F. (1960). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis zu 1453. T. 4: Regesten von 1282–1341*. München; Berlin: Verlag C. H. Beck.

Dourou-Eliopoulou, M. (2020). The Image of the “Greek” and the Reality of Greco-Latin Interaction in Romania, according to 13th and 14th-Century Latin Sources. In N. G. Chrissis, A. Kolia-Dermizaki, & A. Papageorgiou (Eds.), *Byzantium and the West. Perception and Reality (11th–15th c.)* (pp. 220–229). London; New York: Routledge.

Geanakoplos, D. J. (1953). Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: the Battle of Pelagonia. *Dumbarton Oaks Papers*, 7, 99–142.

Glykatzi-Ahrweiler, H. (1962). Une mention méconnue des mélingues du Taygète. *Bulletin de correspondance hellénique*, 86(1), 1–10.

Ilieva, A. (1991). *Frankish Morea 1205–1262. Socio-Cultural Interaction between the Franks and Local Population*. Athens: Historical Publications S. D. Basilopoulos.

Jacoby, D. (1973). The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade. *The American Historical Review*, 78(4), 783–906.

Kalligas, H. (1990). *Byzantine Monemvasia. The Sources*. Monemvasia: Akrotheon.

Karpov, S. P. (2000). *Latinskaia Romaniia* [The Romanie Latine]. St Petersburg: Aleteia.

Lock, P. (1995). *The Franks in the Aegean, 1204–1500*. London; New York: Longman.

Longnon, J. (Ed.). (1911). *Chronique de Morée (1204–1305): Livre de la Conquête de la Princesse de l'Amorée*. Paris: Librairie de la Société de l'Histoire de France.

Longnon, J. (1954). La renaissance de l'hellénisme dans le despotat de Morée. *Journal des Savants*, 3, 111–113.

Longnon, J., & Topping, P. (Eds.). (1969). *Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle*. Paris: Mouton&Co La Haye.

Morel-Fatio, A. (Ed.). (1885). *Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles*. Genève: Imprimerie Jules-Guillaume Fick.

Page, G. (2008). *Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schmitt, J. (Ed.). (1904). *The Chronicle of Morea: A History in Political Verse, Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century*. London: Methuen & Co.

Syuzumov, M. Ya. (1974). Review of the book: Simeonidis, X. R. (1972). Oi Tsakones kai he Tsakonia [Tsakones and Tsakonia]. Thessaloniki, 1972, 188 sel. *Vizantiiskii vremennik*, 36, 210–212.

Topping, P. (1976). Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea

Интеграционные процессы в полиэтничном обществе Пелопоннеса and Venetian Crete. In *XVe Congrès International d'études Byzantines. Rapports et co-rapports* (Vol. 1, pp. 3–23). Athens: Association internationale d'études byzantines.

Trapp, E., Walther, R., & Beyer, H.-V. u. a. (Eds.). (1976–1995). *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit* (Vols. 1–12). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft.

Белоруссова, Татьяна Евгеньевна

аспирант, инженер-исследователь
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: belorussovaaa@gmail.com

Belorussova, Tatiana Evgenievna

Postgraduate Student, Researcher
Ancient and Medieval History Department
Ural Federal University
51 Lenin Ave, 620000, Ekaterinburg,
Russia
Email: belorussovaaa@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3493-1474>
ResearcherID: ABB-9244-2021
Scopus AuthorID: 57219240275